НИНЕЛЬ ИСКРА

СЕМЬ ПОПРАВОК

15.11. —
Она была рядом.

Нинель Искра

СЕМЬ ПОПРАВОК

«Автор»
2026

Искра Н.

СЕМЬ ПОПРАВОК / Н. Искра — «Автор», 2026

Первое тело нашли в ночь на пятнадцатое. Судья Хромов — в собственном кабинете, а рядом на столе библиотечная карточка: плотная, пожелтевшая, с датой и одной фразой, написанной от руки.Капитан Кима Владлен не верит в совпадения. За неделю до этого в городе начали умирать люди, причастные к одному старому делу: пожар на складе, погибшие, акт о возгорании, подписанный в спешке. Дело закрыли. Виновных не нашли. Кима была там в ту ночь — и до сих пор знает, как пахнет чужой страх.Карточки не лгут: на каждой стоит дата, и каждая дата сбывается. Значит, убийца идёт по списку — и не остановится, пока список не закончится.Второй след ведёт в библиотеку. Лида Штерн, девятнадцать лет, левша, тихая, знает свой фонд лучше, чем собственную жизнь. Её почерк слишком похож на тот, что на карточках. Она была рядом с каждым телом. Кима не верит, что убийца — девочка, но и не может позволить себе исключить её..

© Искра Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Водонапорная башня 9
Глава 2. Почерк 14
Глава 19
Глава 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Нинель Искра
СЕМЬ ПОПРАВОК

Пролог

В ноябре у Павла Аркадьевича Хромова всегда тяжелело в груди. Врач говорил: возраст, погода, давление. Хромов думал: совесть. Он не верил в совесть, но любил красивые слова.

Погода в этом ноябре стояла упрямая. Снег выпал рано, лёг тонким слоем на газоны и растаял к полудню, оставив на асфальте серую кашу. Потом ударил мороз, и город сделался звонким и твёрдым, как камень. К вечеру опять пошёл мокрый снег, тяжёлый, с дождём пополам. Хромов смотрел на него из окна и думал, что ноябрь в последние годы стал длиннее всякого другого месяца.

Во дворе дворник посыпал дорожку песком и солил её, и соль таяла в снегу серыми дырами. Грейдер прошёл по улице утром, оставив по краям высокие грязные валы. Возле школы их уже разобрали лопатами, а возле дома — нет. Хромов об этом подумал мельком, без раздражения. Раздражаться он давно перестал, как перестают замечать гудение в трубах.

Ему было шестьдесят три. Он жил один в квартире на Набережной, с видом на реку и на старую водонапорную башню. Жена умерла три года назад. Дочь звонила по воскресеньям. Дом был старый, с чугунной лестницей и почтовым ящиком, который никогда не запирался. Поэтому конверт без марки не удивил его. Удивило другое: внутри была библиотечная карточка, плотная, с побуревшими краями, какие выдают в читальном зале.

Конверт ждал его весь день. Он заметил его ещё утром, когда выходил за хлебом, но не стал отпирать ящик, потому что руки были заняты зонтом. К обеду конверт лежал на дне, серый, слегка размокший по краю.

В подъезде пахло мокрой штукатуркой. Кто-то тащил на второй этаж коробки, и на полу остались следы от колёс. Хромов обошёл их и посмотрел в ящик. Руки заняты были не так уж сильно. Он просто не хотел видеть, что там.

Ниже, на соседнем ящике, кто-то приклеил объявление о собрании жильцов. Хромов его не стал читать. Последние месяцы он читал только то, что касалось его самого, и это его вполне устраивало.

На карточке красными чернилами было выведено: «14 ноября. Он подписал приговор». Ниже, мельче: «Старая башня. 21:00. Один».

Хромов перевернул карточку. На обороте стоял номер дела. Он узнал его сразу. Пять лет прошло, а он узнал. Дело Штерна.

В прихожей было темно, и выключатель щёлкнул не с первого раза. Он снял пальто, повесил его на спинку стула, потом снял снова и повесил в шкаф, как будто собирался остаться. Пальцы не слушались.

Кухня была убрана. Стол вымыт, посуда на местах, в кастрюле остывал суп, который он варил вчера и не доел. Он бы не сказал, что ему так уж тревожно. Это было похоже на чужое пальто, надетое в спешке: знакомое, но не сидит.

Он стоял в подъезде, в пальто, с зонтом в руке, и слушал, как в трубах шумит вода. Потом поднялся к себе, налил коньяку, выпил и сел в кресло. За окном горел фонарь. Башня стояла за рекой, чёрная, как обгоревший палец.

Он просидел в кресле, наверное, час. Коньяк не согрел. В квартире шёл пар от батареи, на подоконнике лежал тёмный след от мокрого снега, а в подъезде кто-то хлопал дверью и кашлял, поднимаясь.

У соседей работал телевизор. Хромов слышал голос диктора, потом музыку, потом снова голос и смех. В половине восьмого замок в соседней двери щёлкнул дважды — значит, сосед вышел и вернулся, или вышел и не вернулся, Хромов не считал. Он посмотрел на телефон и увидел, что держит его в руке, а не звонил никому уже двадцать минут.

Звонить было некому, и это было главное. Дочь в другом городе, у неё своя жизнь. Коллеги — это не те люди, которым звонят в такую минуту. Он подумал о прокуроре, но от одной мысли о прокуратуре во рту стало сухо, и он налил ещё, но пить не стал.

Ему вспомнился отпуск, который он так и не взял этим летом. Дом отдыха в сосновом бору, который ему советовали. Он тогда ответил, что потом. Потом всегда было через год.

Он искал пульс на запястье и не находил, потом нашёл, не сразу. Пульс был ровный, немного частый. Значит, сердце в порядке. Значит, и ослушаться карточки он вполне способен. Просто не хочет.

Он думал, что это чья-то глупая шутка. Или что это Штерн, который вышел и хочет денег. Штерн был сломленный, тихий, он не стал бы писать красными чернилами. Но кто-то же написал. Кто-то знал номер дела. Кто-то знал, что Хромов подписал.

Ещё он подумал, что может быть ещё кто-то из тех, кто остался. Их было пятеро или шестеро. Он помнил не лица, а детали. Кто сидел справа, кто держал папку, кто молчал. Достаточно, чтобы кто-нибудь из них прожил эти пять лет с этим же листом.

Пять лет он старался не вспоминать. Получалось почти. Судья помнит не дела, а четверги и понедельники, заседания, которые шли один за другим. Дело Штерна он помнил отдельно, потому что от него осталась только бумага. Тонкая, сероватая, с наколотыми уголками. Он перечитывал её ночью, потом возвращал секретарю и больше не просил.

У Хромова были свои привычки. Он не выносил беспорядка и не любил, когда опаздывают. Он выходил из дома всегда в одно и то же время. Он не верил в случайности. И именно поэтому конверт его удивил: он не укладывался ни в какое разумное объяснение. Через почту так не приходит. Через почту не приходит вообще.

Он попробовал успокоиться и рассуждать, как в молодости, по пунктам. Первое: кто знал его адрес. Второе: кто знал номер дела. Третье: зачем. На третьем пункте он бросил. Ответа не было, а коньяк кончился в стакане, и стакан был пуст, как всегда бывает со стаканами, если смотреть на них слишком долго.

За окном прошёл человек с собакой. Собака тянула к сугробу у газона, человек стоял и ждал, потом сказал что-то и пошёл дальше. Хромов поймал себя на том, что смотрит на них как на кино, и что он очень не хочет, чтобы человека с собакой звали Хромовым. Это была странная и стыдная мысль.

Он знал, что если останется в кресле, до утра ему станет легче. Страх всегда скучает. Но утром будет пятнадцатое число, и тогда конверт превратится в старую бумажку, ни к чему не обязывающую, а пятнадцатого следующего месяца станет второй бумажкой, и он этого уже не сможет вынести. Такая у него была выученная на всю жизнь арифметика.

В половине девятого он надел пальто и вышел.

Дождь пах железом. Он шёл по Набережной, мимо закрытых ларьков, мимо школы, где когда-то училась Ася Гордеева. Он не смотрел на школу. Он смотрел на реку. Вода была чёрной, как дёготь.

Под ногами хрустел лёд в лужах, тротуар был посыпан песком, и песок скрипел. Мимо прошёл троллейбус, тёмный, с жёлтыми окнами. В окнах ехали люди, которые ни о чём не знали. Хромов стоял и смотрел, как он уходит за угол.

Он завернул к перекрёстку, где днём торгуют газетами. Витрины были заклеены объявлениями, часть протёрлась под дождём. У остановки стояла женщина с сумкой на колёсиках и курила, отвернувшись от ветра. Хромов прошёл мимо, стараясь не глядеть на людей. Ему казалось, что любой из них сейчас может назвать его по имени и спросить, куда он идёт.

Он спросил себя, не позвонить ли в полицию. И не ответил. Признаться, что пришла карточка с номером закрытого дела, — значит, объяснять, откуда у судьи этот номер и почему он помнит его наизусть. Объяснять он не готов. Он никогда не умел объяснять.

Он решил всё же сходить. Не из страха и не из смелости. Из той старой привычки, с которой живут до старости: если тебя зовут, ты приходишь и говоришь в лицо.

Он вышел и не запер дверь на второй оборот. Ключи лежали в кармане рядом с карточкой. Пальто было старое, но тёплое, с бархатным воротником, который жена однажды велела подшить. Таблетки от сердца он взял с собой, хотя не собирался задерживаться.

У подъезда стояла урна, у урны — двое подростков, оба в капюшонах, оба курили. Хромов пошёл по своей стороне, как ходил всегда, когда не хотел ни с кем разговаривать. Один из них всё равно сказал: «Вечер добрый, гражданин». Хромов ответил не сразу и коротко, не расслышав, и только потом подумал, что голос был обычный, и зря он так дёрнулся.

Башня стояла на краю старого комбината, за забором из сетки. Когда-то она давала воду всему району. Теперь стояла пустая, с облупленной кирпичной кладкой и окнами без стёкол. Калитка была открыта. Хромов вошёл. Внутри пахло ржавчиной и мокрой бумагой. Он поднялся по винтовой лестнице. Перила дрожали под рукой.

Ступени были скользкие. За стенами пробивались шумы улицы: вдалеке объявляли остановку, кто-то смеялся у гаражей. Потом шум остался внизу, а Хромов поднимался всё выше, и было слышно только своё дыхание.

Когда-то здесь работала вахта. У входа стоял стол, на столе — журнал, в журнале — фамилии людей, приходивших за водой, за справкой, за спуском. Теперь от стола остался кусок доски, а журнал истлел. Хромов поддел его носком и услышал, как бумага хрустит.

Металл наверху был холодный и в рыжих разводах. Хромов шёл по ходу, считая витки, как когда-то в молодости, когда служил в армии и тёрпко ненавидел лестницы. Ветра не было, только наверху. Тут, внутри, пахло старой краской и чем-то ещё, жилым, как в подвале, где держат картошку.

На стенах были надписи. Их писали люди, у которых было время. Хромов прочитал одно слово, потом другое, потом перестал. Его удивило, что здесь так чисто. Мусора на площадке было немного и лежал он ровно, как будто его собрали в одном месте и не убрали.

Он подумал: я в этом районе не бывал лет двадцать. И ещё подумал: я всегда боялся мрачных мест. Как оказался здесь почти без сопротивления — он не понимал и не хотел понимать.

Наверху была площадка. Ветер бил в лицо. У окна стоял человек в тёмном пальто с капюшоном. Невысокий. Худой. Хромов сказал:

— Кто вы?

Человек не пошевелился. Может, ждал, что Хромов заговорит первым. Может, ждал, что он уйдёт. Хромов подошёл ближе, и доски отозвались под шагом. Бак был за спиной, большой и тёмный, и от него тянуло холодом, как из колодца.

Человек обернулся. Лица не было видно — только бледный овал и тёмные глаза. Голос был тихий, молодой.

— Вы помните Асю Гордееву?

Хромов почувствовал, как холодеют пальцы.

— Здесь холодно, — сказал он. — Если у вас дело, идите в суд. Приёмные дни вторник и четверг.

— Я знаю ваши приёмные дни. — Человек чуть склонил голову. — Я приходил. Дважды. Нас не пустили.

Хромов вспомнил. В прошлом ноябре у входа дежурил охранник, и было что-то такое, о чём он потом спрашивал и не получил ответа. Он тогда решил, что это из-за ремонта. Теперь он понял, что не из-за ремонта.

В башне было две карточки. Одна лежала у Хромова в пальто, в нагрудном кармане, прижатая к сердцу, как письмо. Вторая была в руке у человека. От одной и той же пачки, подумал Хромов. Их печатали когда-то в типографии, потом стёрли края, а потом написали поверх.

— Я судья. Я не обсуждаю приговоры.

— Вы не судья, — сказал человек. — Вы тот, кто подписал.

— Я подписал то, что было в материалах дела.

— В материалах дела не было правды. Вы это знали.

Хромов открыл рот, чтобы сказать, что правда — понятие не судебное. И не сказал. Сказать это здесь звучало бы слишком чётко, слишком по бумаге. Он подумал о том, что нужно было согласиться, когда дело только началось. Тогда ещё можно было согласиться.

— В зале был мальчик, — сказал человек. — В последнем ряду. Вы его не видели.

Хромов не видел. Зал был полон, был ноябрь, было светло от ламп, и он помнил только порядок, в котором вызывали. Потом человек с мешком, потом женщина с папкой, потом эксперт, который отвечал ровно и не смотрел ни на кого.

— Здесь вы не в зале, — сказал человек. — Здесь можно ответить.

Хромов подумал: а если и правда можно. И поймал себя на этой мысли, как на краю. Он всегда боялся краёв не меньше, чем мрачных мест.

Хромов сделал шаг назад. Пятка соскользнула с мокрого металла. Он схватился за перила. Перила качнулись. Человек не двинулся с места. Рука медленно поднялась, и Хромов увидел красную карточку — ту самую, которую держал в руках час назад.

— Это ещё не всё, — сказал человек. — Слушайте.

Когда-то здесь шумела вода. Днём и ночью. Сотни квартир брали воду из этого бака, и никто не думал, откуда она пришла. Теперь бак был пустым и огромным, как зал без зрителей. Хромов вспомнил об этом и не понял, зачем.

Он посмотрел вниз, в бак. Там было дно, тёмное и сухое. Прищурился. Ничего. Ветер качнул обрывок целлофана, и целлофан блеснул, как вода. Хромов отступил на шаг и поставил ногу твёрже.

Где-то внизу, в пустом баке, гулко капнула вода. Хромов хотел закричать, но горло сжало. Он смотрел на красные буквы и думал: «Я же только подписал». Потом металл выскользнул из его пальцев.

Глава 1. Водонапорная башня

«14 ноября. Он подписал приговор». Библиотечный формуляр. Красные чернила.

В шесть утра Киме позвонил дежурный. В семь она стояла у башни.

Звонил он с городского, тем самым голосом, каким сообщают о происшедших за ночь мелочах. Сказал: «На башне тело, товарищ капитан, мужчина, похоже, упал». Потом добавил, что бригада уже выехала и что сторож не отходит от ворот. Кима спросила, кто сообщил. Дежурный сказал: сторож и сообщил.

Она надела то же, что вчера, потому что вчера она не раздевалась. В коридоре горела одна лампа, на лестнице пахло сыростью и мокрыми ботинками. У выхода вахтёр приподнял голову от газеты, сказал «доброе утро», хотя утро добрым не было, и вернулся к газете.

В дежурной части было тепло до духоты. На столе стояли три стакана с чаем, лежали рации, и лампы гудели так, что казалось, будто в комнате работает холодильник. Дежурный говорил по телефону и поднял руку, показывая, что сейчас закончит. Кима ждала. Ждать она умела лучше всего.

Пока ждала, посмотрела на доску объявлений. График отпусков, приказ о новой форме, чьё-то заявление, приколотое надолго. Все эти бумаги жили своей жизнью и не имели к мёртвому судье никакого отношения. Кима подумала: и слава богу.

— Записано как обнаружение тела, — сказал дежурный, наконец. — Машину я отправил. Оцепление поставили. Криминалисты выехали следом.

— На карточке что было?

— Не мне докладывали, — сказал он быстро.

Ноябрь в Заречье — это не месяц, а состояние: мокрая листва, серое небо, запах гари от чьих-то печей. Она не спала третью ночь. Это не оправдание, но объясняет, почему она не сразу поняла, что видит.

Дорога от управления шла через мост, потом вдоль трамвайных путей. По обочинам лежала серая каша, снег с солью, и колёса машины скрипели, раздавливая её. У переезда стоял человек с жезлом и разворачивал тех, кто не знал объезда. Кима свернула раньше, чем он поднял руку.

Заречье просыпалось медленно. В хлебном поднимали ставни, и свет изнутри падал на мокрый асфальт жёлтым пятном. У гаражей кто-то прогревал двигатель. Из открытой форточки в доме неподалёку слышалось радио, и диктор говорил про погоду так спокойно, будто ничего не случилось ни с кем.

На автобусной остановке стояли трое. Одна женщина держала сумку на коленях, вторая читала газету, третий смотрел на телефон и не отрывался. Автобус пришёл, полный, и женщина с сумкой вошла в него последней, боком. Кима подумала, что у неё смена в семь и она, наверное, не знает, что в двух кварталах от её остановки лежит мёртвый судья.

Она подумала и о другом. Пять лет назад в это же время она стояла у другого оцепления, и лента была та же, и ветер тот же, и только дело было другим. Тогда она не понимала, во что влезает. Сейчас понимала слишком хорошо и всё равно ехала.

Дана Лаврова ждала её у оцепления. Молодая, в белом костюме, с планшетом. Она была прикомандирована к Киме неделю назад и всё ещё смотрела на неё с любопытством, как на экспонат.

— Товарищ капитан, — сказала она. — Внутри. В баке.

— Кто?

— Хромов. Павел Аркадьевич. Судья.

Кима достала из кармана термос, сделала глоток. Кофе был холодный и отдавал ржавчиной.

— Показывай.

Они поднялись по винтовой лестнице. Ступени были мокрые, перила дрожали. Наверху, на площадке, стояли криминалисты в белых костюмах. Ветер трепал ленту оцепления. Кима подошла к краю бака и посмотрела вниз.

Светло было ещё не совсем. Криминалисты принесли лампу на штативе, и она горела в углу, бросая длинные тени. Кима попросила поставить её так, чтобы дно было видно целиком. Потом попросила ступеньку, встала на неё и наклонилась через борт. Металл отозвался холодом через перчатку.

Он лежал на дне, на спине, раскинув руки. Седые волосы прилипли ко лбу. Пальто распахнулось. Одна нога была вывернута. Она видела его лицо — узкое, с тонкими губами и седой щетиной. Пять лет назад он смотрел на неё из-за судейского стола. Тогда он казался ей стариком. Теперь он был просто мёртвым стариком.

Кима смотрела на его руки. Пальцы были растопырены, как будто он пытался что-то поймать. На правой руке не было перчатки, и вторая перчатка лежала рядом, на бетоне, в двух шагах. Кима отметила это и не стала ничего говорить. Иногда лучше запомнить и не озвучить, чтобы потом, когда спросят, не вспоминать угадыванием.

— Время смерти? — спросила она.

— Около десяти вечера, — сказал криминалист. — Падение с высоты. Удар о дно. Скорее всего, мгновенно.

— Скорее всего?

— Точнее скажет вскрытие.

— По одежде что?

Криминалист вытер руки салфеткой. Он был невысокий, в очках, у которых запотевало одно стекло, потому что он дышал ртом.

— Пальто на нём. Мокрое снизу и на плече. Подошвы чистые, грязь есть только на каблуках. Следов потасовки не видно, но это пока. Куртка под пальто — целая. Часы на руке стоят.

— Стоят как?

— Показывают десять с небольшим. Стекло треснуло.

— Проверьте, могли ли они отстать раньше.

— Проверю, — сказал он и снова вытер руки.

— И ещё. Пятна на камне, у окна. Нужно понять, чернила или нет. И откуда они взялись.

— Возьмём пробу, — сказал криминалист. — Но, товарищ капитан, если это чернила, отпечатков на камне не будет. Камень рыхлый, там ничего не держится.

— Берите, что держится.

Она отошла от края бака. С площадки было видно весь двор: сетку, гаражные боксы, крыши домов, а за ними реку, серую и блестящую, будто натёртую. Город отсюда казался аккуратным. Кима знала, что это обман. Она стояла здесь и смотрела вдаль, чтобы немного помолчать.

Она обошла площадку. На полу — окурки, битое стекло, мокрая газета. У окна — следы. Не кровь. Что-то тёмное, похожее на чернила. Она присела. Пятно было свежим. Рядом лежала ручка — обычная шариковая, синяя, с треснувшим колпачком. Кима не стала её трогать.

Мокрая газета была сложена вчетверо и лежала у стены, будто её подстелили, чтобы не марать. Кима приподняла край и прочитала дату. Вчерашняя. Газета была свежей, и это говорило о том, что её принесли сюда не зимой, а совсем недавно, и, возможно, принёс тот, кто сидел на ней.

— Перчатки у эксперта, — сказала она. — И осмотрите вот эти доски у окна. Кто-то тут стоял, сдвинул доску. След обуви может быть на мусоре под ними.

— Товарищ капитан, тут мусора на три мешка, — заметил один из криминалистов.

— Тогда считайте, что у вас есть время.

На кирпиче за окном кто-то процарапал две буквы. Кима посмотрела на них долго. Буквы были старые, выветренные по краям, и к делу они никакого отношения не имели. Она почти наверняка это знала.

По лестнице поднимались ещё двое — санитар из морга и молодой участковый. Участковый был в шапке, сдвинутой на затылок, и держал протокол так, будто боялся его испортить. Кима сказала ему, чтобы он сфотографировал квитанции в кошельке, не вынимая их, и записал время, когда сторож обходит территорию.

— Каждый день в пять?

— По графику в пять, — сказал участковый. — Но сторож говорит, что бывает и позже. Зависит от того, когда смена.

— Уточните. Если он обходит не в пять, а в шесть, то тело могло лежать дольше.

Участковый записал и ушёл вниз, ступая осторожно, но всё равно громко.

— Личные вещи, — сказала она.

Ей принесли пакет. Кошелёк, ключи, носовой платок, таблетки от сердца. И библиотечную карточку — её нашли на бетоне у его руки. Плотную, с побуревшими краями. Кима взяла её в руки. Бумага была влажной, но чернила — свежими. Красными. Почерк был её.

— Кошелёк, — сказала она. — Что внутри.

Дана заглянула в опись.

— Деньги на месте. Карточки на месте. Документы в порядке. Ничего не взяли, товарищ капитан.

— Телефон?

— Телефона нет. Ни в карманах, ни рядом.

Кима кивнула. Отсутствие телефона не всегда что-то значит. Иногда его просто не берут. Но конверт, который принёс ему карточку, принести мог только человек, который знал адрес. Значит, был и конверт, и был тот, кто его открывал. И этот человек, скорее всего, был здесь.

«14 ноября. Он подписал приговор».

Она смотрела на буквы. Она узнала бы этот почерк где угодно: петлю на «д», наклон вправо, чёрточку над «т». Так она писала в своих блокнотах. Так она подписывала протоколы. Так она писала пять лет назад.

Карточка была не из библиотеки. Кима это поняла по краю: бумага была старая, а надпись поверх лежала ровно, без нажима и без помарок. Так пишут, когда пишут не в первый раз. Так пишут люди, которые потренировались и не показывают промахов.

Внизу у оцепления кто-то спросил протокол. Дана ответила, что протокол будет позже. Голос у неё был казённый, вежливый, и Кима впервые подумала, что из неё выйдет толк.

В ушах зашумело. Она почувствовала запах горелой бумаги — резкий, сладковатый, как тогда, на складе. Она обернулась. За спиной никого не было. Только ветер в разбитом окне. И голос — тихий, почти на грани слуха:

— Ты опоздала.

Она замерла. Голос был детский. Она знала его. Она слышала его во сне каждую ночь. Она сказала себе: это ветер. Это усталость. Это таблетки. Она не принимала таблетки уже месяц. Может, поэтому.

— Товарищ капитан? — Дана стояла рядом и смотрела на неё. — Вы в порядке?

Кима положила карточку в пакет. Пальцы были холодные.

— В порядке, — сказала она. — Кто нашёл тело?

— Сторож. Он обходит территорию в пять утра. Замок на калитке был перепилен.

— Где он?

— Внизу сидит. Я отправила его к машине, чтобы не мешал, но он тут.

Сторожа привели. Он был в ватнике, в шапке, из которой торчала бумага, и держал руки в рукавицах, будто боялся за них. Он сказал, что видел свет в верхнем окне около полуночи.

Может быть. Он не мог сказать точно, потому что окна в башне давно без стёкол, а луна в ту ночь светила в проём как следует, и любой свет сверху отражался в металле.

Кима спросила, видел ли он кого-нибудь у башни вечером. Сторож подумал и сказал: у гаражей стоял человек, курил. Невысокий, в пальто. Он не запомнил лица, потому что лицо было в капюшоне, и не запомнил фигуры, потому что фигур вечером полным-полно у гаражей.

— Во сколько?

— Около девяти, — сказал сторож. — Я мимо шёл, у сторожа смена с восьми. Он стоял у второго бокса, у стены.

Кима записала. Сторож постоял ещё, посмотрел на неё с надеждой, что его отпустят, но она задала ещё один вопрос.

— Вы тут каждый день. Кто ещё сюда ходит?

— Молодёжь. Дети. Летом — рыбаки, у них бак как ориентир. Зимой — никто. В прошлом году пробку вытаскивали, так кабельщики были, — вот это было сложно.

— Сушат?

— Ага, — сказал сторож. — Сушат, когда висит. Сетка одна.

Кима отпустила его.

— Кто ещё знал, что Хромов придёт сюда?

— Пока никто. Мы опрашиваем.

— Опрашивайте всех, кто живёт в доме у забора. Кто видел вчера машину у ворот. Кто слышал. По подъездам идите вечером, когда люди дома.

— По двум подъездам или по всем?

— По всем. В доме старые жильцы, кто-нибудь да смотрит в окно. Хотя бы от скуки.

Кима спустилась вниз. Во дворе стояла машина Хромова — чёрный седан, старый, но ухоженный. Капот был холодный. На заднем сиденье лежал зонт, сухой. Значит, он приехал до дождя? Или ушёл под навес? Она посмотрела на небо. Дождь кончился ночью. Она не знала, что это значит.

Кима обошла машину и заглянула в салон. На переднем сиденье лежала сложенная газета, та же, что и наверху. На полу валялась пачка сигарет, одна выкурена. Ключи торчали в замке зажигания. Она записала это в блокнот и сказала эксперту, чтобы машину забрали целиком, а не осматривали на месте.

— Ворота были открыты? — спросила она у сторожа, который всё ещё стоял у забора с рукавицами в руках.

— Ворота я закрываю в восемь. Но сетка с угла порвана, там дыра. Через неё и проходят, — сказал он. — Я докладывал. В прошлом году докладывал.

— Кому докладывали?

Сторож замялся. Потом сказал: кому надо. Кима не стала настаивать. У неё было достаточно людей, чтобы выяснить это без него. Она только спросила, кто ещё в курсе про дыру. Сторож сказал: вся улица.

— Машину воротами заезжал, значит, — сказал эксперт. — Дырой на седане не проедешь.

— Или её тут вообще не было, — сказала Кима и сама не поняла, почему так сказала. Записала себе. Проверить, где Хромов был вчера вечером и когда погас свет в его квартире.

Эксперт посмотрел на неё и кивнул. Он не спрашивал лишнего, и это было хорошо.

— Товарищ капитан, — сказала Дана. — На карточке дата. Вчерашняя. И почерк... вы его знаете?

Кима посмотрела на неё. Она была молодой, но не глупой.

— Похож на мой. Это ничего не значит. У нас в архиве тысячи карточек.

— Но вы побледнели.

— Я не спала.

Дана не стала спорить. Кима отошла к машине и достала телефон. Два сообщения. Гринёв: «Доложишь в девять». Неизвестный номер: «Первый — не последний». Она перезвонила. Абонент недоступен.

Экран был поцарапан, заряд держался на последней полоске. Кима подержала телефон в руке, будто он мог ещё что-то сказать, и убрала в карман. На сапогах налипла грязь, на перчатке остался след от ржавчины.

Мимо прошли двое из домов напротив — женщина в пуховике и мужчина с собакой. Они остановились у оцепления, постояли, не задавая вопросов, и пошли дальше. Собака оглянулась на башню, будто понимала больше людей.

Кима подумала, что теперь начнётся самое скучное: соседи, которые «ничего не видели», и те, кто видел слишком много и не уверен. Но именно с этого всегда и начинается след. Не с почерка и не с карточки, а с женщины в пуховике, которая утром вышла с собакой.

Она набрала Ратникова. Он ответил на третьем гудке.

— Кима? Ты почему...

— Хромов мёртв. В старой башне. На карточке мой почерк.

Тишина. Она слышала, как он дышит. Потом он сказал:

— Приезжай. Немедленно. И никому не говори.

— Уже поздно.

— Не поздно. Пока ты не сказала.

Она повесила трубку. Дана смотрела на неё из-под зонта.

— Что-то случилось?

Кима посмотрела на башню. В верхнем окне никого не было. Но ей показалось, что кто-то стоит за стеклом — маленькая фигура в тёмном. Она моргнула. Фигура исчезла.

Она подумала о том, что пять лет назад, в самый плохой день, ей тоже говорили «никому не говори». Тогда она послушалась. Тогда она потеряла почти всё, что теряют в такие дни. Только тогда она была одна, а теперь рядом стояла девочка в белом костюме, которую нужно было или впустить, или убрать.

— Ничего, — сказала она. — Поехали в управление. Нужно поднять архив. Дело Штерна.

— Это же закрытое дело?

— Теперь нет.

Глава 2. Почерк

В управлении к девяти не было никого выше лейтенанта.

Утро на третьем этаже начиналось с коридора. Кто-то мыл пол, и мокрая тряпка оставляла следы, которые сохли, а потом снова темнели под чужими ботинками. На стене висели грамоты в разнокалиберных рамках и план эвакуации, выцветший до нечитаемости. В конце коридора стоял кулер, и возле него всегда кто-нибудь разговаривал о футболе.

В курилке у лестницы двое обсуждали вчерашний вызов: квартира, скандал, сломанная дверь. Кима прошла мимо, и они замолчали. Потом один сказал за спиной, что у Кимы вид человека, которого утром подняли звонком не по адресу. Кима не обернулась. Замечание было справедливое.

Из окна в конце коридора был виден двор с гаражами и снегом по краям. За ночь насыпало ещё немного, и следы от машин на нём были свежие, как строчки на бумаге.

Не было никого, потому что все были на местах или на вызовах. Кима поднялась наверх, к кабинету Ратникова, но дверь была заперта, и это было лучше, чем открытая. В такие утра она любила думать, что любая дверь может остаться запертой, если сильно захотеть.

Кима успела доложить дежурному и сделать первый звонок, прежде чем Григорий Гущин оторвал голову от микроскопа. Старшему эксперту было пятьдесят восемь, но выглядел он на семьдесят: седые брови, жёлтые пальцы, запах папирос и канцелярского клея. Пять лет назад именно он вёл экспертизу письма, найденного в шкафу Штерна.

В лаборатории было три стола, и на двух из них стояли лампы, которые включали только по необходимости. Гущин работал при своей, в углу, и его тень лежала на противоположной стене неподвижно. В духовке у стены сохли стеклянные пробирки. Пахло папиросами, клеем и чем-то химическим, похожим на аптеку.

Он не поднял головы, когда она вошла, но сказал «проходи» так, будто ждал её. Кима и не сомневалась, что ждал.

Она протянула ему фотографию карточки. Не оригинал — снимок с телефона, сделанный тайком. Гущин надел очки, поднёс снимок к свету и долго молчал.

— Это ты писала? — спросил он, не глядя.

— Я пришла спросить тебя, а не наоборот, — сказала Кима.

— Почерк твой. Петля, наклон, чёрточка над «т». — Он постучал пальцем по снимку. — Но давление другое. «Д» короткое. Когда-то ты писала «д» выше. Люди не меняют высоту петли так ровно, чтобы всё остальное было одинаковым.

— Что это значит?

— Это значит, меньше всего — что это писал кто-то, кто срисовывал. Долго. С учебника. С образца.

— С какого образца?

Гущин снял очки и положил их рядом с микроскопом.

— Таких образцов у нас в деле было штук двадцать, — сказал он. — Твои протоколы, твои описи, твои зарисовки. Ты представить не можешь, сколько раз ты там расписалась.

— Представляю.

— Тогда скажу то, что ты уже знаешь. Тот, кто это сделал, переснимал буквы, а не писал своим. Так учатся писать, когда хотят, чтобы прочли и не поверили. Он не тебя подставил, а тебя нарисовал. Разница большая.

Гущин замолчал и стал искать по столу мятую пачку. Нашёл, но не закурил, а просто положил рядом с собой, будто ему нужна была компания.

— Ещё что? — спросила Кима.

— Бумага. — Он постучал по снимку. — Плотная, с побуревшими краями, как в читальном зале. Такую держат в руках долго и не выбрасывают. На карточке я вижу лёгкую полосу сверху. Значит, её держали за верхний край, когда письмо писали. Пальцы бы оставили след, но тут след стёрт. Бумага сама по себе так не стирается. Значит, её трогали, много раз и торопливо.

— То есть её вытирали.

— Или носили в кармане пять лет и трогали часто. Одно из двух. Я склоняюсь к тому, что карточка побывала в чужих руках задолго до вчерашнего. И это плохо. Значит, у кого-то было время.

Кима молчала. Она думала о том складе и о том шкафе, за которым пять лет назад нашли письмо.

— Чернила. Если свежие, значит, писали вчера или позавчера. Точнее скажу, когда принесут оригинал. И не приноси снимка, я по снимку не работаю. Мне нужна бумага.

— Будет бумага.

— Продержишься?

Кима посмотрела на него. Вопрос был не из тех, на которые отвечают в кабинете.

— А ты?

— Я старый, — сказал Гущин. — Меня уже однажды пугали, во время Штерна. Я тогда испугался. Сейчас вспоминаю и стыдно.

— Кима, пять лет назад ты вела дело Штерна. В материалах было полно листов твоим почерком: протоколы, зарисовки, справки. Кто угодно мог взять образец из дела. — Он посмотрел ей в глаза. — Хочешь моё неофициальное мнение? Сейчас закроем официальную экспертизу с формулировкой «сходство не исключает». И это единственное, что я тебе дам.

— Почему?

— Потому что если я напишу, что это точно ты, — тебя посадят. А если напишу, что точно не ты, — заметут. Мне ни то, ни другое не нужно.

Она кивнула и забрала снимок. Официального заключения не будет, она и не ждала. Ей нужно было другое.

Снимок она сделала тайком, и Гущин это понял сразу. На фотографии край карточки был чуть светлее — там, где её касался палец, когда она поднимала бумагу с бетона. Он не сказал об этом ни слова, и она была благодарна. Иногда молчание — это тоже способ помочь.

У двери она обернулась.

— Тебе пять лет некому было это сказать.

— Некому, — согласился Гущин, не поднимая глаз. — Я и не говорил. Старая твоя ошибка: ты один раз поверила, что тебя защитят. Я тебя тогда не защитил. Ты меня не спрашивала, но я не защитил.

Кима вышла и прикрыла дверь. В коридоре было пусто, и на пол падал свет из окна у арки. Она постояла там, пока не вспомнила, зачем идёт дальше.

В окне у арки ходили прохожие, и от чьих-то ботинок на снегу оставались тёмные следы. Кима смотрела на них без всякой цели. Так иногда смотришь, чтобы перед возвращением к бумагам немного выпустить из себя лишнее. Лишнего было много.

Кабинет архива находился в подвале, где пахло сыростью и старой бумагой. Тихон Мороз, архивариус с лицом выцветшим, как корешок тридцатилетней книги, пил чай с мятой и не обрадовался ей.

Подвал был низкий. Труба отопления шла над шкафами, и от неё капало на жестяной поддон, поставленный кем-то давным-давно. Шкафы стояли в два ряда, и между ними оставался проход шириной в одну руку. Лампы светили желтовато. Мороз сидел в конце прохода, за столом, на котором лежали чашка, конверт с талонами и штамп.

— Редкий гость, — сказал он.

— Не редкий. Молчаливый, — сказала Кима. — Дело Штерна. Мне нужен мой блокнот. Рабочий, из материалов.

Мороз не стал спрашивать зачем. Он отставил чашку, снял с полки пыльный том и пролистал опись.

Листы описи были исписаны его почерком, мелким и на редкость ровным. Он вёл их так, как ведут всё в подвале: чтобы через тридцать лет всякий, кто спросит, получил ответ.

— Блокнот ушёл из архива, — сказал он. — Давно. Тринадцатого декабря, пять лет назад.

— Кто забрал?

— По акту — ты.

Кима молчала. Тринадцатого декабря был пожар на складе вещдоков. Она едва выбралась живой. Она не могла подписать никакой акт — в тот день она лежала в больнице с ожогами рук.

— Я не подписывала, — сказала она.

Мороз вздохнул и закрыл опись.

— Это не моё дело, капитан. В журнале твоя роспись. Через что бы ты ни проходила, я лишь храню бумаги.

— Покажи мне журнал.

Он достал толстый том в дерматиновой обложке и положил перед ней, не открывая. Кима открыла сама. Страница была та, и строка тоже. Напротив номера дела стояла её фамилия, а рядом — роспись, аккуратная и чужая. Слишком аккуратная. Слишком хорошо выведенная.

— Ты мужик, который хранит бумаги, — сказала она. — Скажи тогда, кто ещё заходил в архив в декабре.

— Заходили трое. Потом был пожар. Того, что было до пожара, никто не сверял. Так что я помню только их, — сказал Мороз. — И не назову. Ты сама понимаешь, почему.

— Имена не надо. Скажи, кто чем занимался.

Мороз пожевал губами.

— Один — специалист из области, с описью. Второй — из судебной части. Третий — не поздоровался и не назвался, а потом прислал записку, что забыл папку. Записка была. В папке была пустота.

— А записка?

— Записка осталась. Без подписи. — Мороз достал из-под стола тонкую картонную папку с надорванным уголком и положил перед ней. — Тут всё, что я сохранил с того декабря. Копии актов, записки, мой черновик описи. Я никому это не отдаю. Но тебе отдам.

— Почему мне?

— Потому что ты одна приходила и спрашивала, а не требовала, — сказал он. — И потому что в те дни после пожара никого из ваших здесь не было. Только ты, через два месяца, в бинтах, искала свой блокнот. Я тогда запомнил.

Кима взяла папку. В бумагах был запах подвала, сырой и пыльный.

— Обещаю вернуть.

— Верни. Или не возвращай. Я всё равно не сверю, — сказал Мороз.

Кима переписала это в блокнот. Строка была короткая, но она понимала, что это уже не мелочь.

Она вышла из архива на улицу, где Гринёв курил у чёрного входа. Майор стряхнул пепел и, не здороваясь, сказал:

За чёрным входом лежал ящик для мусора и рядом стояли пустые мешки. На стене висела табличка «не курить», и Гринёв стоял под ней с завидной регулярностью. Снег у стены подтаял и образовал лужу, но он не замечал.

— Доложил Ратникову?

— Откуда знаешь?

— Он звонил моему начальнику, пока ты лазила по башне. — Гринёв сплюнул. — Кима, я скажу один раз, и больше не повторю. Дело Штерна закрыто. Ты была в нём по самую шею. Не тяни его на свет, и оно тебя не съест.

— Съело, — сказала она. — Ночью оно само пришло ко мне.

— По рукам, что ли? — спросил Гринёв.

Кима не ответила. Она смотрела на его руки и думала, что за пять лет он стал больше курить и хуже спать. Гринёв выдержал её взгляд и первый опустил глаза.

— Хочешь знать, что было после? — спросила она. — Я два месяца не могла держать ручку. Мне говорили, что всё пройдёт. Оно не прошло, Гринёв.

— Я тебе не врач.

— Я и не прошу лечить. Я прошу не мешать.

Кима закусила губу. Она знала, что нельзя злиться на человека, который держит перед ней старое. И знала, что злится именно на него, а не на себя.

— Скажи одно, — проговорила она. — Ты видел, кто это был?

— Я его не видел, — сказал Гринёв. — Мне передали. Меня тогда не было на объекте.

— Кто передал?

— Не помню. Кима, не надо.

— А мне надо, — сказала она и впервые за это утро почувствовала, что голос слушается. — Потому что этот человек сейчас стал свидетелем по делу мёртвого судьи. И если он знал, кто забрал блокнот, то он знал и больше.

Гринёв посмотрел на неё и не отвёл взгляда.

— Я не знаю больше, — сказал он. — И если бы знал, ты бы не заговорила со мной вот так, у чёрного входа.

Она оставила его у стены и поднялась к себе.

На лестнице она встретила двоих из соседнего кабинета. Они шли с бумагами, кого-то ждали, о чём-то спорили и замолчали, увидев её. Кима кивнула и прошла мимо. Она знала, как это делается: сначала замолкают, потом начнут здороваться тише, а потом перестанут приглашать на совещания, где обсуждают квартирные кражи.

Отдел по особым делам состоял из стола, чайника и доски, на которой Дана уже развесила фотографии с места происшествия. Кима закрыла дверь, налила кофе из своего термоса и села за стол. Из ящика она достала копию материалов дела Штерна — она хранила её пять лет, не имея на это права.

Дана стояла у доски и переписывала в планшет время. Она работала аккуратно, размечала лист по часам и не задавала вопросов, и Кима впервые пожалела, что приставили её не раньше. Из окна было видно крышу соседнего дома, и на ней лежал снег, тонкий, как налёт сахара.

В коридоре было слышно, как в столовой на первом этаже гремят подносами и моют посуду. Киму туда не тянуло, но она вспомнила, что не ела с утра. Потом вспомнила, что и вчера вечером тоже не ела. Потом решила не вспоминать больше.

Кофе в термосе кончился, и она налила воды из чайника. Вода была тёплая и пахла железом. Кима всё равно выпила стакан до дна, потому что так было проще, чем думать.

— Товарищ капитан, — сказала Дана. — Я в общем списке сверила фамилии с теми, кто ещё работает.

— Продолжай.

— Прокурор на месте. Эксперт на месте. Адвокат Волошин переехал, адрес в деле старый. Про понятую Смирнову ничего нет, но в архиве есть её заявление по другому делу. С того года.

— Она переехала?

— Или умерла, — сказала Дана просто. — Я не успела проверить. Могу.

— Проверь, — сказала Кима. — На всякий случай. Только аккуратно, не в лоб.

Она открыла на странице со списком участников процесса и обвела ручкой фамилии: Хромов, судья. Северин, прокурор. Гущин, эксперт. Смирнова, понятая. Волошин, адвокат. И ниже — её собственная подпись, та, что стояла в материалах. Красная. Как на карточке.

Кто-то шёл по этому списку. Кто-то начал с Хромова и хотел, чтобы она поняла: следующий — за ней.

Она почувствовала запах горелой бумаги. Он шёл, казалось, прямо из ящика, из пожелтевших листов. Рука сама потянулась к телефону. На экране снова светилось короткое сообщение от неизвестного номера:

«Первый — не последний».

Она прочитала его ещё раз и положила телефон лицевой стороной вниз. Кофе остыл. За окном кто-то прошёл по крыше соседнего дома, слышно было, как хрустит снег под шагами. Наверное, кровельщик. Наверное.

— Дана, — сказала она. — В отчёте пиши так: смерть при невыясненных обстоятельствах, проверка продолжается. Без карточки.

— Без карточки не упоминать?

— Без карточки. Она в деле. В отчёте — нет.

Дана записала и не спросила почему. Это было лучшее, что она могла сделать в тот день.

Она набрала первый номер из списка, который знала наизусть. Прокурор Северин. Гудки шли долго. Потом включился автоответчик.

— Это Кима Владлен, — сказала она в тишину кабинета. — Нам нужно поговорить. Не поднимайте трубку от незнакомых номеров. И не приходите никуда, куда вас зовут.

Слово «завтра» она не успела произнести. Телефон пискнул — ей ответили не голосом, а тишиной, в которой она услышала, как кто-то дышит.

— Ты, — сказал голос, и в кабинете стало тихо, как в пустом баке. — Ты идёшь по моему списку, Кима.

Трубку положили. Кима посмотрела на доску, на фотографию Хромова, на дерево, на башню у реки. В сердце стучала одна мысль, которую она не могла выкинуть: голос на том конце был не мужской и не женский. Он был похож на детский.

Глава 3. Второй адресат

Утром Кима не стала ждать официального заключения. В восемь она забрала Дану из отдела и поехала в прокуратуру.

Дождь шёл с ночи и к утру не кончился, только сменил характер: то сеял мелко, как через сито, то хлестал по крышам так, что гудели водосточные трубы. Кима вела осторожно, объезжая лужи, в которых отражались вывески. Дана смотрела в окно и называла вслух мелочи: у булочной завалился набок ящик с хлебом, дворник сгребал мокрую листву к одному краю тротуара, у аптеки кто-то обронил перчатку, и она лежала в воде, как выброшенная рукавица.

Дана надела перчатки. Кима нет. Это была не привычка, а способ не думать о руках. Когда-то врачи сказали, что ожог зажил хорошо. Они говорили это тоном, каким сообщают, что ремонт обошёлся дешевле, чем ожидали.

Кима проверила телефон. Пропущенный звонок с городского. Номер был знакомый, из управления, но она не стала перезванивать: если бы что-то случилось, звонили бы дважды.

К зданию они шли пешком, под одним зонтом. Дана подобрала подол, Кима шла в мокрых туфлях и смотрела на хвост очереди у кофейни.

Пропуск на стоянку прокуратуры выдали без вопросов. В холле пахло мокрой обувью и растворимым кофе. Вахтёр полистал удостоверения, записал время и фамилии в журнал. Потом долго искал ручку. Страницы журнала были расчерчены по часам, и по ним было видно: Северин пришёл в восемь сорок и с тех пор не выходил.

Женщина за стеклом отвечала на звонки, не поднимая глаз от бумаг. Журнал посетителей был новый, с первого ноября. Предыдущий лежал на стойке, и Кима перелистала его без просьбы.

Четырнадцатого ноября там стояла одна запись, сделанная после обеда. Фамилия была чужая и незнакомая. Кима переписала её на всякий случай.

Секретарь за стойкой попросила подождать. Из кабинета слышался голос: Северин с кем-то спорил, коротко и по существу, и дважды повторил слово «отложим». Потом дверь открылась, и из неё вышел мужчина в сером пиджаке с папкой под мышкой. Он кивнул Киме, как знакомой, хотя они никогда не встречались.

Северин принял их в кабинете на третьем этаже, где пахло кофе и дорогим одеколоном. Ему было сорок шесть, но выглядел он на тридцать пять: загорелый, подтянутый, в тёмном костюме без единой складки. На столе стояла фотография жены и сына, рядом — стопка папок и чашка с недопитым кофе.

— Капитан Владлен, — сказал он, не вставая. — Наслышан. Чем обязан?

Кима села напротив. Дана осталась у двери.

— В ночь на пятнадцатое убили судью Хромова, — сказала Кима.

— Соболезную. Мы работали вместе. — Северин отпил кофе. — Но при чём здесь прокуратура?

— На месте смерти нашли карточку. В ней дата — четырнадцатое ноября — и фраза: «Он подписал приговор». Почерк похож на мой.

Северин поставил чашку. Улыбка не исчезла, но стала тоньше.

— Это шутка?

Северин достал из ящика папку и положил перед собой, но не открыл. Он смотрел на Киму поверх неё и ждал.

— Убийца знает, кто что подписывал, — сказала она. — И знает, в какой день.

— И вы думаете, я его вдохновил? — Он чуть улыбнулся. — Капитан, у нас в городе сотни людей, на которых завели дела. Все они кого-то считают виноватым.

— Он не считает. Он ведёт счёт.

Северин откинулся на спинку. Кресло скрипнуло. За окном по карнизу бежала вода, ровно, как по желобу.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим. И что вы предлагаете мне делать?

— Ничего. Не ездить туда, куда вас зовут. Не открывать двери. Сообщить, если кто-то звонит и молчит в трубку.

— Вы предлагаете мне жить, как в кино. — Он придвинул папку. — У меня завтра совещание в области. Машина, трасса, гостиница. Прикажете отменить?

— Да.

Северин посмотрел на неё долго. Взгляд был не злой, скорее оценивающий — как у человека, который прикидывает, во сколько ему обойдётся эта встреча.

— Я подумаю, — сказал он.

— Это дело. Вы были прокурором на процессе Штерна.

— Был. И что?

— Кто-то убивает людей, причастных к тому делу. Вы следующий.

Северин откинулся в кресле.

— Капитан, вы понимаете, что говорите? Процесс был пять лет назад. Приговор вступил в силу. Потом его отменили — через год, когда Штерн уже умер в колонии. Дело пересматривали, но так и не закрыли. Я здесь ни при чём.

— Вы подписывали обвинение.

— Я подписывал документы, которые мне приносили. — Он пожал плечами. — Если вы пришли пугать меня моим прошлым, у вас плохо получается.

Кима положила на стол фотографию карточки. Северин взглянул на неё и отодвинул.

— Это не ко мне.

— Вы получали что-нибудь странное? Письмо, конверт, записку?

— Нет.

Он сказал это слишком быстро. Кима увидела, как его взгляд на мгновение ушёл в сторону — к подставке для ручек. Там, среди шариковых и перьевых, лежала библиотечная карточка. Плотная, с побуревшими краями. Красная.

— Что это? — спросила она.

— Где?

— В подставке.

Северин посмотрел. Потом взял карточку и повертел в пальцах, будто видел впервые.

— Не знаю. Кто-то из посетителей оставил.

— Прочитайте.

Он прочитал. Лицо у него не изменилось, но пальцы сжали карточку чуть сильнее.

— «16 ноября. Он знал». — Северин усмехнулся. — Детский сад.

— Это сегодня.

— Это чья-то глупая шутка. — Он бросил карточку в подставку. — Капитан, у меня совещание.

Кима не двинулась.

— Вы знали, что Штерн невиновен?

Тишина. За окном проехала машина, и стекло дрогнуло.

— Я знал, что материалов недостаточно, — сказал Северин. — Но суд решил иначе. Это называется правосудие.

— Это называется подпись.

Он встал. Улыбка исчезла.

— Достаточно. Если у вас есть официальные вопросы — приходите с постановлением. А пока — всего доброго.

На улице моросил дождь. Дана раскрыла зонт, Кима надела капюшон.

Внизу, в холле, вахтёр встал открыть дверь и остался стоять у неё, держась за ручку, пока они не вышли. На ступеньках было скользко, и Дана придержала Киму под локоть.

— Он держался так, будто заранее знал, зачем мы пришли, — сказала Дана.

— Он и знал. Просто не знал, что мы знаем.

— Он врёт, — сказала Дана.

— Знаю.

— Карточка была у него на столе. Он её видел.

— И не удивился. — Кима посмотрела на окна третьего этажа. — Он её уже читал. — Она поправила воротник, мокрый на ощупь, и натянула рукав на пальцы. — И положил обратно. Так делают, когда карточка всего лишь бумажка.

Они дошли до перекрёстка. Напротив, у книжного магазина, стояла девушка в тёмном пальто. Невысокая, худенькая, с рюкзаком на одном плече. Она держала зонт левой рукой. Смотрела не на витрину. Смотрела на окна прокуратуры.

— Видишь? — тихо спросила Кима.

Дана проследила за взглядом.

— Девушка?

— Сколько она там стоит?

— Не знаю. Я её раньше не видела.

Кима шагнула к переходу. Девушка обернулась — на мгновение, слишком быстро, — и пошла вдоль улицы. Не бежала. Просто шла, чуть опустив голову.

— Останься здесь, — сказала Кима.

Она перешла дорогу, лавируя между машинами. Девушка свернула в арку. Кима ускорила шаг. Арка была пуста: только лужи, мусорный бак и дверь в подъезд. Домофон был разбит, кнопки затянуло грязью. Кима толкнула дверь — заперто.

Она вернулась. Дана стояла под зонтом и держала в руке что-то маленькое.

— Нашла у магазина, — сказала она. — В луже.

Это была библиотечная карточка. Мокрая, но красные чернила не расплылись.

«16 ноября. Он знал».

— Такая же, — сказала Дана.

Кима взяла карточку. Бумага была холодной. На обороте, мелко, стоял штамп: «Городская библиотека 2».

— Поехали, — сказала она.

— Куда?

— В библиотеку.

Библиотека открывалась в десять. Они приехали без четверти, когда калитка во двор была ещё закрыта на цепь, а у пожарного гидранта стояла лужа, в которой плавал жёлтый лист.

Заведующая вышла к ним сама, не дожидаясь стука. Она была в тёплой кофте поверх платья, с очками на цепочке. Оглядела удостоверения, потом Киму — с мокрыми волосами и красными руками.

— Санитарный день, — сказала она. — Мы закрыты.

— Вы здесь одна? — спросила Кима.

Заведующая помолчала.

— С утра одна. Лида болеет. — Она переступила с ноги на ногу. — С понедельника. Я её отпустила, у неё справка.

— Она левша? — спросила Кима.

— Лида? — Заведующая удивилась. — Левша. Сколько я её знаю, столько она пишет левой рукой.

— А карточки в запаснике?

— Есть. Всё, что списали после ремонта. — Заведующая понизила голос. — Я оттуда ничего не беру. Только Лида иногда.

Зал был прохладный, с запахом клея и старой пыли. Между стеллажами стоял стол, придвинутый к радиатору. Ящик был приоткрыт: красная ручка, две карточки, лупа на ручке, как у ювелира.

— Это её ящик? — спросила Кима.

— Не знаю, — сказала заведующая. — Я в этом зале не сижу.

У окна на подоконнике лежал след от чашки — сухое кольцо, ровное и чистое.

— Когда здесь последний раз пили чай? — спросила Кима.

— Не знаю, — сказала заведующая. — Может, я.

— Кольцо свежее. — Кима наклонилась. — Кто-то сидел здесь нынче утром.

Заведующая посмотрела на стол, потом на окно, потом на свои руки.

— Я не знаю, товарищ капитан, — сказала она.

Кима принесла стремянку. На верхней полке, за подшивкой газет, лежала пачка карточек, перевязанная бечёвкой. Бечёвка была обрезана и связана заново. Она развязала её и пересчитала: двадцать шесть. В описи на полке стояло тридцать.

— Четырёх не хватает, — сказала она.

— Может, я ошиблась, — сказала заведующая. — Я старая.

— Вы не старая. Вы боитесь.

Заведующая не ответила. Она сняла очки, протёрла их о кофту и снова надела.

Они вышли на улицу. Дождь висел в воздухе, но не падал. Дворник у крыльца подметал листья, оглянулся на них и стал мести в другую сторону.

— Она врёт, — сказала Дана.

— Или её напугали, — сказала Кима. — Это не одно и то же.

Библиотека 2 стояла на углу улицы Свободы и переулка, в старом доме с лепниной. Окна были тёмными. На двери висела табличка: «Санитарный день».

Они уже садились в машину, когда со стороны прокуратуры выехал чёрный седан. За рулём был Северин. Он не смотрел по сторонам. Машина свернула на набережную и исчезла за поворотом.

Кима набрала его номер. Гудки. Потом голос:

— Капитан, я же сказал...

— Под дворником у вас карточка. Не трогайте её. Остановитесь.

Пауза. Кима услышала, как дворники заскрипели по стеклу.

— Что?

— Остановитесь. Немедленно.

— Вы шутите?

— Там карточка. Красная. Вы её видите?

Северин замолчал. Потом сказал, тише:

— Вижу.

— Не выходите из машины. Я еду.

— Это смешно, — сказал он. — Я прокурор.

— Это не смешно. Ждите.

Она повесила трубку и завела двигатель. Дана пристегнулась.

— Что он?

— Сказал, что видит. Он стоял у машины и читал.

— А что на карточке?

— «16 ноября. Он знал».

— Тогда это не он написал. Ему написали.

— Нет, — сказала Кима. — Это для него написали. Он был адресатом, а не автором.

Криминалист в белом костюме шёл по парапету медленно, согнувшись, и что-то помечал мелом — узкие штрихи, короткие, как тире.

— Наследите, — говорил он. — Потом в протоколе будете.

Она отходила. Потом возвращалась.

— Пришли двоих, — сказал он наконец, — и машину с прожектором. — Он отвёл телефон от уха и посмотрел на Киму. — Поедешь со мной. Это не вопрос.

— Я в мокрой одежде.

— Ты поедешь со мной, а не с ним. — Гринёв убрал телефон. — И без своих теорий. Пока.

Она взглянула на него и увидела, что он устал не меньше её. За эту неделю он постарел на год.

Дана принесла Киме из машины куртку. Куртка была ей мала в плечах, но сухая.

После прыжка Кима ещё долго не чувствовала холода — только глухую тяжесть в ногах и вкус реки во рту. Пальто не поддавалось. Мокрый драп набух водой и тянул вниз, как якорь. Кима перехватила воротник другой рукой и поняла, что счёт идёт не на движения, а на дыхание, и что его у неё немного.

Сколько они плыли, она не запомнила. Помнила только свет фар, который скользил по воде и уходил в сторону, и голос Даны сверху.

Врач из скорой оказалась женщиной лет сорока, с усталым лицом. Она не спрашивала, кто упал и почему. Работала молча и быстро, как человек, который выезжает на такое каждую ночь. Потом выпрямилась и сказала:

— Мёртв. — И добавила, будто извиняясь: — Тут бы и в тепле не помогло.

Мужчина с собакой ждал в стороне, у ограды.

— Мокро, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Следов не будет.

Собака была большая, чёрная, и от неё пахло мокрой шерстью и рекой. Мужчина держал поводок обеими руками и оглядывался на тело под простынёй, будто ждал, что оно шевельнётся.

— Я шёл от моста, — рассказывал он. — Она вырвалась. Раньше никогда не вырывалась. — Он посмотрел на тело под простынёй и отвёл глаза. — Я думал, она к воде. Она не к воде.

— Он что-то делал? — спросила Кима.

— Стоял. И смотрел. — Мужчина сглотнул. — Потом шагнул назад. Я думал, он оступился. Но он шагнул так, будто пятился.

Кима записала: «пятился». Потом в скобках: «куда?».

Дана всё это время держалась рядом, но иногда отходила в сторону и смотрела на воду, будто оттуда могло всплыть что-то ещё. Она была бледной и не прятала этого.

— Товарищ капитан, — сказала она тихо. — А если он это не сам?

— Тогда мы должны понять, кто стоял рядом.

— Там никого не было.

— Там были мы, — сказала Кима. — Все мы.

Кима встала, и вода стекала с неё на бетон, оставляя тёмные следы. Кто-то принёс ей одеяло из багажника, из тех, что возят на всякий случай. Одеяло пахло бензином и пылью. Кима завернулась в него и села на бордюр.

Пять лет назад её тоже накрыли таким одеялом. Тогда она лежала на асфальте у склада и не могла разжать левую руку, потому что держала папку. Ожог на запястье потом заживал долго, и рука болела на погоду. Теперь она в этом не признавалась даже себе.

Память возвращалась не целиком, а кусками. Свет, который мигнул. Замок в двери, который не поддался. Треск стены, будто по ней с размаху ударили чем-то тяжёлым. И лицо Нины, когда она спросила: «Ты знала?» Кима тогда не поняла. Не поняла ни в ту минуту, ни через месяц, ни через год.

Кима выехала на набережную. Впереди, у поворота, стоял чёрный седан. Дверь водителя была открыта. Северин стоял рядом, спиной к реке, и держал в руке красную карточку. Ветер трепал его пальто.

Кима нажала на газ.

В этот момент Северин поднял голову. Он смотрел не на дорогу. Он смотрел на кого-то за машиной. Потом шагнул назад. Один шаг. Второй. Его каблук соскользнул с мокрого парапета.

— Нет! — крикнула Кима, хотя знала, что он не услышит.

Северин упал спиной вперёд, в чёрную воду. Карточка осталась в его руке.

Последняя мысль, которая успела оформиться, была простая и лишняя: если он стоял и читал, то ждал. А если ждал, то дождался.

Глава 4. Пожар

Кима ударила по тормозам так, что Дану бросило вперёд.

Она выскочила из машины, не закрыв дверь. Дождь бил в лицо. Парапет был мокрый, скользкий. Внизу, в чёрной воде, мелькнуло пальто — и исчезло.

— Северин! — крикнула она.

Тишина. Только вода билась о бетон.

Она сбросила куртку, перелезла через парапет. Дана схватила её за руку.

— Товарищ капитан, вы с ума сошли!

— Вызови МЧС. Быстро.

Она прыгнула.

Вода обожгла холодом. Кима ушла под воду, вынырнула, глотнула воздуха. Течение было сильным. Она увидела тёмное пятно впереди — пальто. Северин не двигался. Она поплыла к нему, схватила за воротник. Он был тяжёлый, как мешок с песком. Карточка выскользнула из его руки и исчезла в темноте.

— Держись, — сказала она, хотя он уже не дышал.

Она тащила его к берегу. Ноги сводило. Берег был близко, но течение относило их в сторону. Дана бежала по набережной, кричала в телефон. Наверху показался мужчина с собакой. Он бросил поводок, перегнулся через парапет.

— Держите!

Он схватил Северина за плечи. Кима подтолкнула тело снизу. Вдвоём они вытащили его на бетон.

Северин лежал на спине, мокрый, серый. Глаза открыты. Изо рта текла вода. Дана упала на колени, начала качать ему грудь. Кима считала вдохи. Раз, два, три... Она не чувствовала холода. Только запах реки и мокрой шерсти.

Скорая приехала через восемь минут. Врач послушал грудь, посветил в глаза, покачал головой.

— Мёртв.

Кима села на бетон. Руки дрожали. Она смотрела на воду. Карточка утонула. Или её кто-то забрал.

Гринёв приехал через полчаса. Он вышел из машины, посмотрел на мокрую Киму, на тело, на Дану, и сказал:

— Ты что натворила?

— Пыталась его спасти.

— Он был в машине?

— Он вышел. Увидел карточку под дворником.

— Какую карточку?

Кима посмотрела на него.

— Красную. Библиотечную. С его датой.

Гринёв медленно выдохнул.

— Кима, на нём ничего не было. Ни карточки, ни бумаги. Только телефон и ключи.

— Она была у него в руке. Я видела.

— Никто не видел. — Он кивнул на Дану. — Лейтенант говорит, ты прыгнула в воду, кричала, что он упал. Но она не видела карточку.

— Она стояла у машины.

— Она стояла у машины и вызывала МЧС. — Гринёв наклонился ближе. — Кима, я не враг. Но если ты скажешь, что видела карточку, а её нет, тебя отправят на освидетельствование. Понимаешь?

Она понимала. Она также понимала, что карточка не могла исчезнуть. Если только кто-то не вытащил её из руки Северина, пока Кима тащила его к берегу. Или пока Дана делала массаж сердца.

— Кто ещё был на набережной? — спросила она.

— Свидетель. Мужчина с собакой. Женщина у остановки. — Гринёв пожал плечами. — И девушка в тёмном пальто. Она ушла, когда мы приехали.

Кима подняла голову.

— Какая девушка?

— Молодая. С рюкзаком. Сказала, что видела, как он упал. Не стала ждать.

— Она назвалась?

— Нет.

Кима закрыла глаза. В ушах шумело. Она почувствовала запах — не реки, не дождя. Запах горелой бумаги. Резкий, сладковатый. Он шёл откуда-то изнутри, из памяти.

Пять лет назад.

Склад вещдоков находился в подвале старого управления. В тот вечер Кима пришла туда одна. Она хотела проверить письмо, найденное в шкафу Штерна. Бумага была дешёвой, чернила выцветшими. Она держала письмо в руках, когда услышала шаги.

Нина стояла в дверях. Пятнадцать лет, школьное пальто, рюкзак на одном плече. Она была свидетелем. Она видела, как Штерн выходил из леса.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Кима.

— Хотела посмотреть, — сказала Нина. — Что вы им покажете.

— Тебе нельзя здесь быть.

— Я знаю, что видела.

Кима положила письмо в папку. В этот момент свет мигнул. Потом погас. Потом вспыхнул — красным.

Огонь начался с дальней стены. Сначала это был дым, потом треск, потом стена стала чёрной. Кима схватила Нину за руку.

— Бежим.

Дверь была заперта. Кима толкнула её плечом. Замок не поддался. Она ударила ещё раз. Нина заплакала.

— Ты знала, — сказала она. — Ты знала, что он там.

— Кто?

— Ты знала.

Кима не поняла. Она разбила окно стулом. Дым повалил наружу. Она подсадила Нину к подоконнику.

— Лезь!

Нина залезла. За окном был двор. Кима увидела машину — чёрную, с включёнными фарами. У машины стоял человек в форме. Он не бежал к окну. Он смотрел.

— Лезь! — крикнула Кима.

Нина спрыгнула. Кима схватила папку с письмом и полезла следом. Потолок рухнул за спиной. Огонь лизнул её руку. Она упала на асфальт, прижимая папку к груди.

Нина лежала рядом. Она не двигалась. Из-под её головы текла тонкая струйка крови. Она ударилась о бордюр.

Человек в форме сел в машину и уехал. Кима не видела лица. Она запомнила только номер. Потом и номер стёрся из памяти.

— Кима! — Дана трясла её за плечо. — Кима, вы меня слышите?

Она открыла глаза. Она сидела на бетоне, укутанная в одеяло. Вокруг ходили люди в форме. Тело Северина накрыли. Гринёв стоял в стороне и говорил по телефону.

— Я в порядке, — сказала Кима.

— Вы не в порядке. У вас руки...

Кима посмотрела на руки. Они были красные от холода. На левой, у запястья, белел старый шрам. Она не чувствовала его уже пять лет.

— Это старое, — сказала она.

Дана присела рядом.

— Товарищ капитан, что вы видели? В воде?

Кима помолчала.

— Карточку. Она была у него в руке. Потом исчезла.

— Может, утонула?

— Может.

Она не верила в это.

Она встала. Ноги дрожали. Подошла к парапету, посмотрела вниз. Вода была чёрной и гладкой. На поверхности плавал мусор: листья, бутылка, белый пакет.

— Мне нужно в библиотеку, — сказала она.

— Сейчас? — Дана посмотрела на неё, как на сумасшедшую.

— Сейчас.

Она пошла к машине. Гринёв окликнул её:

— Кима! Ты никуда не поедешь. Ты свидетель.

— Я капитан полиции.

— Ты подозреваемая.

Она остановилась. Обернулась.

— В чём?

— В том, что ты была на месте двух смертей за два дня. В том, что на карточке твой почерк. В том, что ты прыгнула в воду и единственная держала в руках то, чего больше нет.

— Я его спасала.

— Я знаю. — Гринёв убрал телефон. — Но другие не знают. Поедешь со мной. Добровольно.

Кима посмотрела на реку. Потом на Дану. Дана едва заметно кивнула.

— Хорошо, — сказала Кима. — Но сначала библиотека.

— Нет.

— Это в двух кварталах. Я не сбегу.

Гринёв смотрел на неё долго. Потом махнул рукой.

— Пять минут. Я поеду за вами.

Библиотека была закрыта, и Гринёв дал на осмотр сорок минут. Заведующая пришла сама, в той же тёплой кофте, и раза три повторила, что зал опечатан, а она ничего не трогала, кроме журнала.

Ключ от запасника нашёлся в ящике стола, под пачкой формуляров. Замок был врезной, старый, с медным кружком вместо шайбы. Кима открыла его сама и не стала надевать перчатки, потому что они были мокрые, — а потом поняла, что зря.

В запаснике пахло сухой бумагой и сыростью с потолка, где под потёком темнело пятно. Стеллажи стояли в два ряда, между ними был проход шириной в полшага. На нижних полках лежали подшивки газет, перевязанные шпагатом. На верхних — пачки карточек, срезанные с учёта после ремонта.

— Сколько их тут? — спросила Дана.

— Все, что списали. Двадцать девять коробок.

Опись лежала на подоконнике. Кима сравнила её с полкой: карточек не хватало четырёх, но и опись была не первой. Почерк был ровный, немного детский, с крупными петлями.

— Кто вёл опись?

— Лида.

— А до неё?

Заведующая подумала.

— Тоже она.

В коробке под номером девятнадцать, между чистыми бланками, лежала красная ручка со стёртым кончиком. Кима подняла её и повернула к свету. Стержень был почти сухой, но на бумажной обёртке внутри колпачка осталась краска.

— Это ваша? — спросила она.

— Общая. Такие у всех.

Кима положила ручку в пакет и подписала. Пусть решает эксперт.

В запаснике Кима присела на корточки и посмотрела на пол под стеллажом. Пыль там лежала ровно, и только у самого края кто-то недавно двигал коробку — остался светлый след с одной стороны.

— Кто-то брал коробку, — сказала она.

— Все брали, — сказала заведующая. — Пока шёл ремонт.

Кима не стала спорить. Справка на имя заведующей лежала в папке, и в ней было написано, что зал закрыт с четырнадцатого сентября, а после — без изменений. Сентябрь, октябрь, ноябрь.

Обыск в квартире Лиды занял два часа. Квартира была на первом этаже дома на улице Островского, вход со двора, звонок не работал, стучали в дверь. Ключ хранился у соседки из второго подъезда. Соседка сказала, что не имеет права пускать посторонних, и всё-таки пустила, потому что увидела удостоверение.

Внутри было тепло и очень чисто. Кровать заправлена, на столе — ваза с сухими стеблями, на полке — книги фантастики и сборник задач по химии. На стене — календарь с отметками кружками. Понятая, женщина лет шестидесяти в пуховом платке, долго рассматривала календарь.

— Ноябрь у неё весь отмечен.

— Чем?

— Числами. И ещё буквой.

В ящике стола лежали тетради, перетянутые резинкой. В одной были выписаны длинные списки дат, и Кима узнавала их одну за другой. Четырнадцатое. Пятнадцатое. Шестнадцатое. Семнадцатое.

— Это протоколы, — сказал эксперт-криминалист, разглядывая тетрадь через лупу. — Почерк один.

Понятой всё это время стоял у окна и молча смотрел во двор: лужу, дровяной сарай, навес, под которым стоял чей-то велосипед.

— У меня внучка в её годы тоже всё переписывала, — сказала понятая.

В шкафу, в картонной коробке из-под чая, нашли пачку читательских формуляров. Кима перелистала их. Формуляры были не заполнены, но на каждом стоял штамп и номер, и несколько номеров в её списке совпадали.

— В библиотеке такие дают читателям, — сказала она.

— Значит, взяла на работе, — сказала Дана.

— Или ей дали.

Текст карточек обыск не подтвердил и не опроверг. В квартире не нашли ни карточек, ни клея, ни штампа: всё было прибрано, будто здесь жил человек, который знает, что у него будут искать.

В кабинете Ратникова было жарко: топили провода и работа. На сейфе стояла тарелка с сушками.

— Ты понимаешь, что она не прячется? — сказал он. — Она ходит у нас под носом и раскладывает записки.

— Она раскидывает их нарочно.

— Она оставляет их нам. Или мне. Вопрос — что в них.

— Формуляры, — сказала Кима. — Она даёт адресатам по формуляру. Значит, у неё их с десяток.

Ратников отложил сушку и посмотрел на неё долго, как смотрят на человека, который говорит правду, но не ту, которую ждут. Потом сказал:

— Не с десяток. Всего один.

Он взял со стола лист и подал ей.

Кима пробежала глазами. Формуляр был девственный: ни фамилии, ни названия книги. Только штамп, номер и в графе «куда вернуть» — адрес читального зала библиотеки 2.

— Откуда это у тебя?

— Принёс курьер. В конверте на имя дежурного. — Ратников взял ещё сушку. — Она знает, что мы начали обыски. Она показывает нам, что карточки у неё оттуда.

Кима прочитала формуляр до конца и положила на стол.

— Тогда это не улика, — сказала она. — Это вызов.

— Это игра, — сказал Ратников. — А играть она предлагает мне.

Кима спросила, подписан ли приказ о новой экспертизе карточек. Ратников ответил, что да, подписан, и что очередь в лаборатории — на неделю вперёд.

Гринёв ждал их внизу, у выхода, в пальто нараспашку.

— Что нашла?

— Ничего, что можно предъявить.

— А что нельзя?

— Тетрадь с датами. Она всю осень переписывала протоколы.

Гринёв на минуту задумался.

— Это значит, она читала в архиве, — сказал он. — Или получала копии.

Кима посмотрела на него. Он смотрел в сторону, но она знала, что он думает то же, что и она.

— Получала копии. Кто-то делал ей копии.

Они шли к машине по мокрому двору. Гринёв не сказал больше ни слова, и Кима вдруг поняла: он боится не за неё.

Она просидела с ним в машине ещё полчаса, пока он ждал ответа из области. За стеклом шёл мокрый снег, таял на лобовом и стекал вместе с грязью. Гринёв курил с приоткрытой форточкой и не заводил двигатель, чтобы не греть салон.

— Если из области прикажут отойти, я отойду, — сказал он вдруг.

— Но?

— Но не сдам.

Кима кивнула. Больше они не говорили.

Библиотека 2 стояла на углу улицы Свободы и переулка, в старом доме с лепниной. Окна были тёмными. На двери висела табличка: «Санитарный день».

Кима подёргала ручку. Заперто. Она прижалась лицом к стеклу. Внутри, между стеллажами, двигалась тень. Невысокая. В тёмном пальто.

— Есть там кто-то? — спросила Дана.

— Есть.

Кима постучала. Тень замерла. Потом исчезла в глубине зала.

— Открывайте! — крикнула Кима. — Полиция!

Тишина. Только дождь стучал по козырьку.

Кима обошла здание. Служебный вход был приоткрыт. Она толкнула дверь и вошла. Внутри пахло пылью, клеем и старой бумагой. За стойкой никого не было. На полу лежала упавшая книга.

— Лида Штерн! — позвала она.

Никто не ответил.

Она прошла между стеллажами. В дальнем зале горела настольная лампа. На столе — раскрытая папка, несколько библиотечных карточек, красная ручка. Кима подошла. На верхней карточке было написано: «Она вспомнит».

Она перевернула карточку. На обороте — штамп: «Городская библиотека 2». И ниже, мелко, от руки: «Ты уже видела его лицо».

За спиной скрипнула дверь. Кима обернулась. В проёме стояла Дана.

— Никого, — сказала она. — Я проверила.

Кима взяла карточку и сунула в карман. Потом посмотрела на окно. На стекле, снаружи, был отпечаток ладони. Маленький. Левой руки.

— Уходим, — сказала она.

Они вышли на воздух и постояли у крыльца. Дождь опять сменился на мелкий, почти невидимый, и мокрая лепнина над дверью блестела, как лак.

У машины их ждал Гринёв. Он смотрел на Киму, на её мокрые волосы, на карман, куда она убрала руку.

— Что это? — спросил он.

— Библиотечная карточка.

— Дай сюда.

Кима вытащила карточку. Гринёв взял её, прочитал, перевернул.

— «Она в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.